

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Н. М. КАРАМЗИН — ПИСАТЕЛЬ,
ИСТОРИК, ФИЛОЛОГ»
(13–14 декабря 2016 года,
Литературный институт имени А. М. Горького)

В обзоре представлены основные материалы основных докладов научно-практической конференции, посвящённой Н. М. Карамзину. Её цель — рассмотреть многообразное творчество автора «Истории государства Российского» в его плодотворных взаимосвязях — как внутренних, так и во внешних, на широком историко-культурном фоне.

Ключевые слова: Николай Карамзин, «История государства Российского», «О древней и новой России в её политических и гражданских отношениях», русский литературный язык, Российская Империя, государство, стиль, Европа, А. К. Толстой, московский текст русской литературы.

13–14 декабря 2016 года в Литературном институте имени А. М. Горького прошла научно-практическая конференция **«Н. М. Карамзин — писатель, историк, филолог»**, посвящённая 250-летию со дня рождения великого деятеля русской культуры.

Приветствуя участников и слушателей конференции, первый проректор Литературного института, заведующая кафедрой общественных наук **Л. М. Царёва** отметила, что обширное наследие Карамзина предстаёт перед нашими современниками в значительно урезанном виде, и цель настоящей конференции — представить многообразное творчество автора «Истории государства Российского» в его плодотворных взаимосвязях — как внутренних, так и во внешних, на широком историко-культурном фоне.

Внимание выступавших на конференции было сосредоточено на феномене творческой личности Карамзина, его предшественников и последователей, литературного движения его времени, жанровых форм его творчества и судьбы его исторических трудов, наследия Н. М. Карамзина в контексте современных проблем русского литературного языка.

Писатель, доцент кафедры литературного мастерства **А. Ю. Сегень** выступил с докладом «Трактат “О древней и новой России в её политических и гражданских отношениях” [“Записка о древней и новой России”] Н. М. Карамзина: из опыта изучения и творческого восприятия» (статья на основании доклада печатается в этом номере).

«Граф истории» и Николаевская Россия» — тема доклада доцента кафедры истории и теории исторической науки ФИПП ИАИ РГГУ, к. ист. н. **Д. И. Олейникова**.

О проблеме недостаточной изученности связи общественно-политического и лингвистического мировоззрения Н. М. Карамзина говорил **В. Г. Сиромеха**, к. ф. н., доцент кафедры русского языка и стилистики Литературного института.

Было обращено внимание на определённую зависимость языковой программы Карамзина от его общественно-политических взглядов, отмечена эволюция этих взглядов — от либеральных к консервативным; дано определение либерализма и консерватизма применительно к конкретным историческим условиям России конца XVIII — начала XIX века. Говоря о либерализме Карамзина и его сторонников, следует учитывать, что речь идёт не о выработанной системе политического либерального мировоззрения, а о некоторых её проявлениях, вытекающих из ориентации продвинутых представителей российского общества начала XIX века на европейский духовный опыт. «Карамзин как представитель сентиментального гуманизма поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укоренённых в гуманизме предпосылок либерального мышления», — привёл докладчик мнение исследователя истории либерализма в России В. В. Леонтовича. Ориентация на европейские ценности в то время в России означала преимущественно ориентацию на Францию (с ней соперничала ориентация на Англию, а несколько позже — на Германию). Карамзин в «Письмах русского путешественника» не скрывает своей любви к Франции. «Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве, — пишет он, — но после России нет для меня земли приятней Франции, где иностранец часто забывает, что он не среди своих».

В это время Карамзин занимает открыто космополитические позиции. «Всё народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то моё, ибо я человек!» «Путь образования или просвещения один для народов», — уверен Карамзин.

Карамзин полагает превосходство европейских народов над русским и призывает последних учиться у первых. «Иностранцы были умнее Русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытом. Благоразумно ли искать, что сыскано?» — вопрошает он русских читателей своей книги. Эту позицию разделяли в начале XIX века многие сторонники «нового слога». Она предполагает критическое отношение к своему прошлому: «Мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом вышшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям». Отдавая должное Петру I в преодолении этой отсталости, Карамзин восклицает: «Но сколько трудов стоило Монарху победить наше упорство в невежестве! Следственно, Русские не расположены, не готовы были просвещаться».

Можно допустить, что эти высказывания имели намеренно эпатажный характер. И на Карамзина, и на Макарова, как отмечается в их биографической

литературе, оказала определенное влияние щегольская культура XVIII — начала XIX века, которая предполагала определенное этипирующее поведение.

В Карамзине этого времени можно видеть воплощение нарождающегося типа «русского европейца», представленного потом в 1830–1840-е годы «западниками», принявшими европейскую систему ценностей и европейскую точку зрения оценки общественных и культурных явлений. «Всем своим образованием и верованиями, всеми своими надеждами он принадлежал прошедшему развитию Европы», — писал о Карамзине в своём «Биографическом очерке» Н. И. Булич.

Также В. Г. Сиромоха рассмотрел явления галломании и галлофобии применительно к карамзинскому времени и меняющееся со временем отношение Карамзина к заимствованной лексике, что отчётливо проявляется в правке им текста «Писем русского путешественника».

Доцент кафедры русской классической литературы Литературного института, к. ф. н. **Л. А. Карпушкина** рассмотрела повести Карамзина «Моя исповедь» и «Чувствительный и холодный. Два характера» как иронический конспект романа.

Оживлённое обсуждение вызвал доклад доцента кафедры русского языка и стилистики, к. ф. н. **Ю. М. Папяна** «Образ автора в письмах Н. М. Карамзина» (написанная на его основе статья печатается в этом номере).

В докладе «Поэтика “Истории государства Российского”» профессора кафедры русской классической литературы, д. ф. н. **И. А. Есаулова** был поставлен вопрос: можно ли говорить о «поэтике» такого текста, каким является «История...»? И если да, то что это за «поэтика»? Была обоснована научная гипотеза, согласно которой в XVIII веке русская словесность, вершиной которой в прозе явились не только «сентиментальные» повести Карамзина, но и его «История...», хотя и написана она уже в начале следующего столетия, переживает два разнонаправленных «воздействия». Происходит грандиозный «перевод» как европейских литератур, так и церковно-славянской кириллической культуры на «светский» русский язык, само формирование которого происходит под решающим влиянием этого «парафразиса». Поэтому всю отечественную словесность и культуру XVIII века можно охарактеризовать как грандиозный динамический парафразис, в котором — в разное время и в разные периоды творчества у самых разных писателей — полюса кириллической православной традиции и западноевропейской учёности, вкупе с «изящной словесностью» имеют обыкновение, так сказать, дрейфовать, то смещаясь ближе к центру, становясь доминантой творчества, то уходя в более периферийные зоны. Оба этих «потока» (а не какой-то один из них!) были необходимы для возникновения новой русской культуры. В этом контексте «История государства Российского» Карамзина является своего рода итоговым парафразисом с двух сторон сразу: как с «языка» церковно-славянской книжности, ближайшим образом — русских летописей (отсюда диалог, диалогические отношения между основным текстом «рассказа» Карамзина и его примечаниями), так и с просветительского «языка» современной Карамзину западной культуры его времени, преимущественно французской, но не только.

Влияние «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина на историческую концепцию А. К. Толстого проанализировал редактор издательства «Русское слово» **А. В. Фёдоров**.

Наиболее ярко влияние Карамзина на творчество А. К. Толстого отразилось в романе «Князь Серебряный», что было отмечено уже критиками — современниками Толстого. В основном это касается трактовки Грозного и периода опричнины. В «Истории государства Российского» подчёркнуты важнейшие качества личности государя, получившие дальнейшее осмысление в произведении Толстого: жестокость, которую он хочет считать твёрдостью; лицемерное стремление примирить христианское учение с собственной кровожадностью; страх и недоверчивость по отношению к приближённым; нечистая совесть — источник страданий без покаяния и возможности духовного возрождения. Из названных черт слагается единый портрет нравственно-психологического вырождения Иоанна, которого изображает Толстой в «Князе Серебряном». Подданные воспринимают царя как Божье наказание и, согласно историческим представлениям Карамзина, своим терпением искупают его преступления. Однако авторская позиция в романе отрицает смиренное принятие Грозного как необходимого наказания — по мнению Толстого, это пощущение Господне или дьявольское искушение, проверка русских людей на человечность в условиях предательства и тирании. В этом — ключевое отличие Толстого от Карамзина. Царство Иоанна было построено на ложной основе: несмотря на взятие Казани и Астрахани, он не победил, не изжил «татарщину» — наоборот, укоренил её в государственном устройстве Руси, как считает писатель. Последующая смута — лишь следствие внутренних причин, и ответственность за эти причины лежит не только на тиране, но и на всех, кто своим терпением «подкармливал» «московского хана». Нравственный максимализм Толстого, его неприятие деспотизма в любых его проявлениях в полной мере отразились в историческом романе. В драматической же трилогии запечатлён более «объёмный» и взвешенный взгляд на Грозного, который предстаёт как сложный трагический характер.

В докладе «Одухотворённое целое: Карамзин и Московский текст русской литературы» старшего научного сотрудника Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, доцента Российского нового университета (РосНОУ), кандидата культурологии **А. П. Люсого** был ярко обозначен важнейший пункт в изучении наследия Карамзина: комплекс его взаимоотношений с древней русской столицей. Карамзин — носитель нооферного взгляда на мир как таковой, русскую историю и русскую культуру. Москва также предстала под его пером как единое одухотворённое целое, приобретающее антропоморфные черты. Отчётливо строя свою литературную биографию как писатель-«москвич», Карамзин избирает Москву местом действия большинства своих повестей, тем самым сближая сферу «изображаемого» — собственно художественный мир произведения, и сферу «изображения» — заданные автором и известные читателю пространственно-временные «координаты», в которых развёртывается сам акт рассказывания. Обзорение обширного поля мифологии, связанного с отдельными точками городского локуса, позволяет утвердить его и в этой существенной роли. Можно ли вследствие этого называть Карамзина отцом-основателем московского текста/супертекста? Актуальность этой проблемы обусловлена задачами адекватного осмысления пространственно-временного континуума

русской культуры. Обозрение обширного поля мифологии, связанное как со столичным московско-петербургским метапространством, так и с отдельными точками городского локуса или событиями городской жизни, сама московская мифологизированная модель и её текстуальное качество позволяют положительно ответить на этот вопрос.

Структурированный европейским опытом карамзинский панорамный взгляд на Москву предопределил пушкинско-петровское обозрение петербургской панорамы в «Медном всаднике». Видя в разумно организованном городском «гульбище» следствие просвещённости общества и «утончённого гражданского образования», Карамзин позволяет себе утопические, как он сам признаёт, фантазии насчёт идеального городского пейзажа на набережной Москвы-реки у Каменного моста. Добавляя к этой воображаемой композиции «вдали Воробьёвы горы, леса, поля», Карамзин приходит к выводу: «Вот картина! Вот гульбище, достойное великого народа!». Так московский пейзаж наделяется общенациональным, государственным звучанием, вступая в соперничество с прославленными европейскими видами. Но при этом пейзаж явно наделяется «предпетербургскими» приметами: «Воображаю еще множество лодок и шлюпок на Москве-реке с разноцветными флагами, с роговою музыкою: ежедневное собрание людей на берегу её без сомнения произвело бы сию охоту забавляться и забавлять других...» Однако есть некая «высшая» точка зрения над таким сопоставлением: «Сверх того Кремль есть любопытнейшее место в России по своим богатым историческим воспоминаниям, которые еще возвысили бы приятность сего гульбища, занимая воображение». Преобразовательные фантазии Карамзина, однако, имеют свой предел: «Но это одна мысль. Кремлёвская стена есть наш Палладиум: кто смеет к ней прикоснуться? Разве одно время разрушит её, так же, как оно разрушило стену вокруг Белого города и Земляного». Архитектурной оппозицией Кремлю оказывается вознёсшийся выше главою непокорной благодаря особенностям рельефа Дом Пашкова, частная постройка. В итоге образ Москвы Карамзина создаёт замкнутую текстопорождающую структуру: «И так удовольствуемся своим *бульваром!*» (Редакция предполагает опубликовать статью А. П. Люсого на эту тему в одном из ближайших номеров в надежде на обсуждение её проблематики.)

Также на конференции прозвучали доклады «Николай Михайлович Карамзин и Александр Семёнович Шишков: проблемы творческих взаимоотношений» профессора кафедры общественных наук **С. Н. Лебедева**, «Рецепция “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина: старые споры в актуальной интерпретации» доцента кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, к. ф. н. **Ю. Н. Сытиной**, «Карамзин и проблемы русской государственности» к. юр. н., члена Российского философского общества **В. П. Позднякова**, «Н. М. Карамзин — поэт Империи: от “Истории государства Российского” к “Истории Российской империи”» главного редактора журнала «История» Издательского дома «Первое сентября», редактора журнала «Наше наследие» **А. Л. Савельева** (статья по теме доклада печатается в этом номере «Вестника...»).

Завершилась конференция круглым столом «**Исторические воззрения Н. М. Карамзина в современной рецепции**», организованным кафедрой общественных наук Литературного института с участием учёных МГУ, РГГУ, ИМЛИ и других научных и учебных заведений.

В частности, профессор, директор Музея истории МГУ им. М. В. Ломоносова **А. С. Орлов** обозначил ключевые проблемы концепции русской истории Карамзина; доцент **З. М. Кочеткова**, рассматривая содержание «Записки о древней и новой России в её гражданском и политическом отношениях», показала, что одна из главных проблем, поставленных в ней, — свободы человека, по-прежнему остаётся «животрепещущей, как свежая газета». Профессор **А. И. Зимин** обратил внимание на значение Карамзина как теоретика российской государственности, а доцент **О. В. Зайцева** показала, как карамзинская идеология государственности формировалась на страницах его произведений. Профессор **Л. М. Царёва** в своём выступлении отметила, что Карамзин в своих размышлениях постоянно был сосредоточен на вопросах государственного хозяйства России.

В рамках конференции прошла презентация книги В. А. и А. В. Кошелевых «Н. М. Карамзин в жизни и творчестве» (М.: Русское слово, 2016) с участием одного из авторов — д. ф. н., профессора Новгородского госуниверситета им. Ярослава Мудрого **А. В. Кошелева**.

Выступая на обсуждении нового издания, проректор Литературного института по научной и творческой работе, доцент кафедры новейшей русской литературы **С. Ф. Дмитренко** выразил сожаление, что двухсотпятидесятилетний юбилей Николая Михайловича Карамзина проходит почти незамеченным, хотя, разумеется, Карамзин в отечественной истории, культуре, в русском мире фигура отнюдь не юбилейная, а повседневная.

Впрочем, возможно, есть причина, по которой Карамзин, при всей своей исторической незыблемости в масштабе тысячелетней России, в каждую отдельную эпоху, в каждой сфере российской культуры оказывается фигурой не то чтобы не безусловной, но какой-то промежуточной или, в лучшем случае, фоновой. Как автор «Бедной Лизы» и «Писем русского путешественника», он с полной очевидностью — основоположник новой русской прозы, но говорится об этом не очень охотно. Созданная во многом как реакция на общественные катаклизмы начала XX века, политизированная общеизвестная схема «шишковисты и карамзинисты — архаисты и новаторы» не рассчитана на учёт того, например, простого факта, что Карамзин оказался одновременно и новатором и архаистом, в конце концов ставшим членом шишковской Российской Академии (как, впрочем, позднее и Пушкин). Кажется, только в лингвистических кругах Карамзин признаётся ведущей фигурой в создании русского литературного языка — зато в обыденном сознании, сформированном и школьным обучением, его потеснили Пушкиным.

А всего пуще в советской исторической науке. Здесь Карамзину попросту не было места: «История государства Российского» не переиздавалась, а воззрения её автора на историю использовались лишь как мишени для критики во славу историзма по марксистско-ленински. При том, что историософские идеи Карамзина, в частности о важности «словесных преданий», то

есть частных свидетельств (воспоминаний, дневников, писем), содержащих «многое, чего нет в книгах», были актуализированы в XX веке. Но и это было крамолой во времена СССР, когда даже мемуаристику переформатировали под коммунистическую мифологию. Например, в двухтомнике знаменитого Андрея Громыко «Памятное», вышедшем уже в перестроечном 1988 году, почти девятьсот пустопорожних страниц перечислений фактов, из которых не выжать и десятка живых, а не официозных оценок глобальных событий, участником которых был наш многолетний министр иностранных дел.

Карамзина-историка свели к фразе из анекдота (хотя и достоверного), записанного князем Петром Вяземским: «Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос, что делается в России, то пришлось бы сказать: *крадут*». И хотя наша историческая действительность до сих пор не отменила это суждение, всё же сам Николай Михайлович происходящее в России одним словом не исчерпывал.

В этом смысле книга великоновгородских историков литературы, отца и сына Кошелевых, со скромным подзаголовком «учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей» — важное культурное событие, хотя авторы лишь поступили естественным образом: прочитали факты и события жизни и творчества Карамзина по историческим источникам, а не по интерпретациям, пытаясь затем в обстоятельствах времени, тщательно в книге выписанным, увидеть представления о них самого Карамзина, ту их истину, которая была, по его же словам, «источником удовольствия и пользы». И потому эти полторы сотни страниц с многочисленными иллюстрациями будут интересны не только школьникам, но и их родителям, студентам, всем — и тем, которые знают о мифологизированном Карамзине, и тем, кто о нём ничего не знал.

С. Ф. Дмитренко отметил особое внимание авторов книги к обстоятельствам довольно ранней кончины Карамзина: всего лишь на шестидесятом году жизни. Историограф простудился в день декабристского путча — осуждая, желал быть его очевидцем, не упустить подробностей: «опасность под носом уже для меня не опасность, а рок, и не смущает сердца». Болезнь оказалась роковой: и Карамзин стал второй, после убитого террористом генерала Милорадовича, тяжёлой жертвой безрассудной авантюры «ста прапорщиков». Так этот радетель мирного развития и «враг революции» подтвердил безоговорочную пагубу всякой насильственной попытки (сверху ли, снизу) улучшить благополучие страны. «Адское вдохновение» возлюбивших кровь оборачивается жестокой расплатой для всей нации.

О. П. Лисковая